

Николай Александрович Бестужев

Похороны

Николай Александрович Бестужев

Похороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4656603

Аннотация

«Неожиданная смерть этого человека, на погребение которого приглашали, была причиною моего чрезвычайного удивления. Еще не прошло недели, как я видел его в цвете лет, окруженного милым семейством, женою и детьми, посреди блестящего круга знакомых, игравшего знатную роль в большом свете, где все обещало ему светлую будущность...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Александрович Бестужев Похороны

1

¹ Рассказ впервые опубликован И. С. Зильберштейном в кн.: Литературное наследство, т. 60, кн. 1, с. 186–190. Текст рассказа был вписан декабристом Н. И. Лорером в альбом, подаренный им А. А. Капнист. В Читинском и Петровском острогах Лорер был в числе ближайших друзей Н. Бестужева и высоко ценил его литературный талант. В своих воспоминаниях он называет Н. Бестужева «отличным писателем» (Лорер Н. И. Записки декабриста. Подгот. к печати и коммент. М. В. Нечкина. М., 1931, с. 148). Выходя на поселение, Лорер снял копии с некоторых произведений своих товарищей, в том числе и с рассказа «Похороны». Написано, по свидетельству Лорера, в Читинском остроге. Н. Бестужев пробыл в Чите с середины декабря 1827 по 23 августа 1830 года, когда декабристы были отправлены из Читы в Петровский завод. По предположению И. С. Зильберштейна, рассказ написан в 1829 году, так как, по-видимому, предназначался для задуманного декабристами альманаха «Зарница». Об этом замысле мы знаем из воспоминаний М. Бестужева (см.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 140) и из письма П. А. Муханова к П. А. Вяземскому от 12 декабря 1829 года, отправленного «по оказии» из Читинского острога в Москву. Муханов писал: «Вот стихи, писанные под небом гранитным и в каторжных норах. Если вы их не засудите – отдайте в печать. Может быть, ваши журналисты Гарпагоны дадут хоть по гривенке за стих. Автору с друзьями хотелось бы выдать альманах *Зарница* в пользу невольных заключенных. Но одно легкое долетит до нас. Не знаю, дотащится ли когда-нибудь подвода с прозой. Замолвьте слово на Парнасе: не помогут ли ваши волшебники блеснуть нашей *Зарнице*? Нам не копить золота: наш металл – железо...» (Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев, с. 187). Издать альманах не удалось. В «подводе с прозой», как полагает И. С. Зильберштейн, был и рассказ Бестужева.

«Г-жа N. N. с малолетними детьми, с прискорбием извещая о кончине супруга ее, случившейся сего августа в... день, просит пожаловать... числа на погребение и вынос тела из дому, состоящего в N в... квартале и проч.»

Неожиданная смерть этого человека, на погребение которого приглашали, была причиною моего чрезвычайного удивления. Еще не прошло недели, как я видел его в цвете лет, окруженного милым семейством, женою и детьми, посреди блестящего круга знакомых, игравшего знатную роль в большом свете, где все обещало ему светлую будущность. Мы были с ним знакомы с детства, даже в летах первой молодости, я думал, что мы были дружны, но вскоре различная участь наша, оставившая меня на той же ступени, где я стоял, и призвавшая его в круг большого света, разочарова-

Рукописи, приготовленные для альманаха и находившиеся у П. А. Муханова (в январе 1832 года он вышел на поселение), погибли. Как это случилось, мы знаем из воспоминаний М. А. Бестужева о «казематской эпохе»: «У нас завелись перья, чернила, бумага; книг уже было вдоволь, журналов и газет даже слишком. Завелись литературные вечера, ученые лекции, диспуты <...>. То была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов, мемуаров. Тогда были написаны те повести, которые недавно напечатаны с именем брата Николая, и многие другие, уничтоженные при периодических мерах строгости или других обстоятельствах. Тогда же был написан целый ряд морских повестей, из коих самые лучшие были сожжены Мухановым при домовом обыске на поселении по доносу одного чиновника. Все они были отданы ему, как многие сочинения брата Николая, для напечатания... Черновые мы сохранять боялись от казематских обысков, так все они погрузились в Лету» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 126).

ла меня. Мы остались знакомы, т. е. я получал приглашения на свадьбу, обеды и прочее; но развлечения и обязанности и все, что называется жизнью большого света, не оставляли бывшему другу моему времени, чтоб позаботиться о дружбе нашей. Изредка только, если случалось ему заставить меня дома, когда у него было намерение оставить карточку, он забегал ко мне на минуту, а иногда, забываясь, при воспоминании старинных наших связей, оставался на несколько часов; но тут я видел всегда другого человека от прежде бывшего товарища. Его живость исчезла, вместо благородных порывов, столь приятных в юноше, заступила какая-то равномерная важность, вместо простосердечной остроты, доставлявшей нам некогда приятные минуты, явилась тонкая ирония, которой наружность носила на себе печать строжайшего приличия, но которой смысл всегда был ядовит; образ его мыслей, суждений лишился прежнего прямого, ясного и нелицеприятного изложения. Вместо оных являлось всегда осторожное, не полное, иногда двусмысленное мнение, от которого он готов был отпереться каждую минуту.

Мы с ним были несогласны во многом: он упрекал меня, что я не люблю большого света; я приводил в свое оправдание его собственную перемену; он доказывал, что большой свет не любит излишеств и порывов; я видел во всем этом свете одну только холодность; на это он отвечал, что все защищаемое мною составляет одни странности и что я с ними — *оригинал*, а это большая брань в большом свете, и, след-

ственно, будучи *оригиналом*, я не мог быть другом светского человека.

Как бы то ни было, я все любил его и когда получил приглашение на похороны, мне стало горько известие о его временной кончине; я представлял себе горесть жены, детей и домашних, участие знакомых и собрался на похороны, чтоб разделить общее чувствование печали с теми, кои, подобно мне, казалось, всегда были расположены к этому человеку.

Я не поспел на вынос и должен был проехать прямо в церковь. Там посредине стояла высокая катафалка. Ступени ее были обиты черным сукном; бархатный балдахин со множеством страусовых перьев и гербом фамилии осенял стоявший на катафалке гроб; множество свеч горело кругом; множество людей всякого звания волновались около гроба; священство, пение, молитвы, дым кадильный, окружавший облаками сию необыкновенную сцену, — все это возбудило во мне скорбное ощущение. Воображение, развивая все происшествия первой жизни моей цепью, которой первое звено составляло нашу дружбу с покойным, невольно приковывало последнее кольцо этой цепи к гробу, передо мной стоявшему. Мысли быстро катились и наполняли грудь; наконец ей стало тяжело. Я забылся и заплакал; слезы мои катились не долго; меня пробудил от моей забывчивости глухой шум полувнятных вопросов, полуотвеченных слов, — я окинул глазами собрание и увидел, что взоры всех были обращены на

меня. Тут я только вспомнил, что нахожусь посреди большого света, где приличие должно замещать все ощущения сердца и где наружный признак оных кладет печать смешного на каждого несчастливца, который будет столько слаб, что даст заметить свое внутреннее движение. Признаюсь, к первой слабости я прибавил другую: мне стало стыдно, — я удалился в угол и, мало-помалу оправившись от замешательства, стал равнодушнее замечать, что предо мною происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.